

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

DOI 10.24412/2076-8176-2022-2-119-129

История одного рукопожатия: Н.В. Тимофеев-Ресовский и Л.А. Арцимович

В.В. ПТУШЕНКО

Научно-исследовательский институт физико-химической биологии
имени А.Н. Белозерского Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
Институт биохимической физики имени Н.М. Эмануэля РАН, Москва, Россия;
ptush@belozersky.msu.ru

Значение личности выдающегося генетика Н.В. Тимофеева-Ресовского для отечественной культуры существенно выходит за пределы науки. В силу своего характера, научных корней и удивительной биографии Тимофеев-Ресовский неоднократно оказывался в роли «культурного моста» как между советской и зарубежной научной культурой, так и между разными эпохами в жизни нашей страны. Отношение к личности Тимофеева-Ресовского стало одним из ярких индикаторов отношения к советской истории в целом и оценки ключевых её моментов как на уровне личного мировоззрения, так и на уровне государственной политики. Свидетельством тому служит не угасающая острота дискуссий и вовлечённость в них широкого круга общественности как в период реабилитации Тимофеева-Ресовского три десятилетия назад, так и вплоть до наших дней в связи с попытками увековечивания его имени в топонимике современной России.

На фоне этой остроты особое значение приобретают взаимоотношения Тимофеева-Ресовского с другими ключевыми для нашей культуры личностями. В этом отношении особенно интересна история отношений между Тимофеевым-Ресовским и Л.А. Арцимовичем, руководителем советской программы исследований по управляемому термоядерному синтезу. Их первая встреча произошла в Германии весной 1945 г. и часто в мифологизированной форме служит аргументом для формирования отношения к Тимофееву-Ресовскому. В данной статье сделана попытка проанализировать источники сведений об этой встрече и о дальнейшей эволюции взаимоотношений Н.В. Тимофеева-Ресовского и Л.А. Арцимовича.

Ключевые слова: Н.В. Тимофеев-Ресовский, генетика, Л.А. Арцимович.

Имя Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского имеет огромное значение для генетики и для отечественной культуры в целом. Он сделал ряд ключевых открытий в генетике — в частности, впервые показал, что носитель наследственных свойств (ген) имеет молекулярные размеры. Вместе с Г.Г. Мёллером его с полным основанием можно считать одним из основателей радиационной генетики. Он сыграл роль «культурного моста» между советской и западной наукой: благодаря его публикациям и семинарам, которые он проводил в Берлине, западной науке стали известны многие идеи и достижения советских биологов. Высказываются предположения, что одна из самых знаменитых идей — идея матричного принципа копирования наследственной информации, впервые высказанная Н.К. Кольцовым и ставшая много позже основой для последующего развития молекулярной биологии в мире, начиная с построения модели двойной спирали ДНК, именно через Тимофеева-Ресовского пришла в интеллектуальную среду европейских, а потом и американских биологов и физиков (в том числе и через коллегу Тимофеева-Ресовского Макса Дельбрюка, учителя Дж. Уотсона) (Haldane, 1945; Шноль, 2010).

Этот «культурный мост» оказался двусторонним, причём как в пространстве, так и во времени. Тимофеев-Ресовский, оказавшись в послевоенном СССР одним из немногих крупных генетиков, уцелевших после эпохи «Большого террора», стал одним из главных центров возрождения генетического образования в СССР. На его семинары по общим проблемам биологии и биофизики, которые он организовал в Миассово (на созданной им биостанции в Ильменском заповеднике), а затем на Можайском море, съезжались и студенты, и уже известные учёные (причём не только биологи, но и физики, и математики). Сам Николай Владимирович на этих многодневных семинарах (фактически — школах) читал основы ещё официально запрещённой науки — генетики, как популяционной, так и радиационной, теории эволюции, биогеоценологии и др. (Бабков и Саканян, 2002; Соيفер, 2019; Шноль, 2010).

Однако влияние Тимофеева-Ресовского на нашу культуру было даже ещё шире, не ограничиваясь лишь сугубо научными рамками. Само появление в среде «советской интеллигенции» человека из совершенно другого мира, воспитанного на совсем ином отношении к науке и к личности, не сломанного страхом и унижениями, необходимостью подавлять в себе личное начало и стремительно менять свои убеждения в соответствии с изменившейся «генеральной линией», которые пережили многие из живших в СССР в период «Великого перелома» и последовавших за ним репрессий — уже само по себе поражало («а разве так тоже можно?») и создавало удивительную атмосферу там, где он появлялся. В этом отношении его роль для нашей культуры в какой-то мере можно сравнить с ролью П.Л. Капицы, становление которого как выдающегося учёного также состоялось во время его работы за границей, также оказавшегося в СССР не по доброй воле (хотя и при менее драматических обстоятельствах и последствиях, чем в случае с Тимофеевым-Ресовским), шокировавшего многих окружающих своим «несоветским» поведением, привычками, бесстрашием и даже дерзостью в отношении начальства, и при всём этом — «большого роялиста, чем сам король», переживавшего об успехах советской науки и техники больше, чем руководители государства. Такое общекультурное влияние Тимофеева-Ресовского ещё усиливалось его широкой эрудицией и почти профессиональным знанием истории, живописи, музыки, литературы и философии (Блюменфельд и др., 1981).

Вместе с тем вплоть до сегодняшних времён Тимофеева-Ресовского не покидает клеймо «коллаборанта», «сотрудничавшего с нацистской Германией» в её агрессивных устремлениях. Ни то, что он спасал евреев и других преследуемых нацистским режимом, укрывая их и помогая устроиться на работу или получить поддельные документы; ни то, что его сын погиб в концентрационном лагере за антифашистскую деятельность, а сам Тимофеев-Ресовский отказался пойти на соглашение с нацистскими властями и вызволить его оттуда ценой сотрудничества с нацистами (Бабков и Саканян, 2002); ни, наконец, его официальная реабилитация Верховным судом РФ — всё это не играет никакой роли для обвинений его в коллаборационизме. Причина этого загадочно устойчивого убеждения, имеющего почти религиозный характер, заслуживает отдельного социологического исследования. По-видимому, кроме политических, оно имеет и психологические причины: оно позволяет оправдать «вынужденную жестокость» либо самого носителя этого убеждения, либо его предков, покровителей или кумиров, тем самым ликвидировав тот психологический дискомфорт, который вызывает её осознание. В любом случае, уже сам факт дискуссий о «коллаборационизме» Тимофеева-Ресовского, имеющих часто самый широкий резонанс (достаточно вспомнить совсем недавнюю историю с отказом властей Екатеринбурга от присвоения имени Тимофеева-Ресовского одной из новых улиц¹), говорит о том, сколь большое значение сохраняет его имя для культурной жизни современной России и сколь существенным продолжает оставаться отношение к нему и его жизни в Германии.

Среди разных аргументов, которые используют в этих дискуссиях, часто фигурирует отношение к Тимофееву-Ресовскому других почитаемых в нашей культуре личностей. Независимо от того, каким было это отношение и какова была его динамика, такие «истории отношений» очень интересны и важны для понимания системы оценок и представлений наших предшественников. В этом отношении особенно интересны отношения между Тимофеевым-Ресовским и Л.А. Арцимовичем. Лев Андреевич Арцимович (1909–1973) — участник советского атомного проекта, руководитель исследований по управляемому термоядерному синтезу в СССР с 1950 г., официальный глава советских физиков с 1957 по 1973 г. (академик-секретарь Отделения физико-математических наук, а затем наследовавших ему отделений²) был также исключительно яркой личностью. Кураторы от ЦК характеризовали его как одного из главных противников влияния партии на Академию наук (АН) СССР (Илизаров, 1998). На общих собраниях АН СССР он достаточно часто (хотя и вполне дипломатично) поддерживал разные «оппозиционные» действия. Так, например, знаменитая фраза — о том, что тайное голосование для того и существует, чтобы можно было высказать то, что не хочешь сказать открыто, — сказанная в ответ на упрек академиков в несовпадении результатов тайного голосования с предшествовавшим открытым обсуждением и приписываемая обычно М.А. Леонтовичу, в действительности принадлежит Арцимовичу (она была сказана по поводу избрания в Академию на Общем собрании заведующего Отделом науки и учебных

¹ Сошлёмся лишь на некоторые отклики на это событие в научном сообществе: Литовский и Куликов (2020), Парин (2020), Парина (2020).

² См.: Архив Российской академии наук (далее АРАН). Ф. 471 (Отделение физико-математических наук Академии наук СССР. Историческая справка); Ф. 1948 (Отделение общей физики и астрономии Академии наук СССР. Историческая справка).

заведений ЦК КПСС С.П. Трапезникова и ещё троих³ партийных деятелей и звучала в точности следующим образом:

У нас имеется тайное голосование. К сожалению, не было видимо гражданского мужества у товарищей, которые хорошо знают Иовчука [один из кандидатов. — *В.П.*] и не сочли возможным за него голосовать, прямо открыто об этом сказать. Но это вопрос другой. Тайное голосование потому называется тайным голосованием, что оно даёт право высказывать свое мнение лицам, не имеющим гражданского мужества⁴.

Ему приписывается множество достаточно откровенных афоризмов. В 1955 г. он подписал знаменитое «Письмо трёхсот» в ЦК КПСС в поддержку генетики, а в 1966 г. — не менее знаменитое письмо 25 деятелей культуры и науки Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу против реабилитации Сталина. Сохранились его фотографии с иеромонахом Павлом Груздевым, т. е. Арцимович не считал для себя зазорным общение, не принятое в то время в его кругу. По-видимому, основной эпитет, который можно применить к Л.А. Арцимовичу — «свободный». Его поведение во многих ситуациях было поведением свободного человека — более свободного, чем многие его коллеги. Возможно, оборотной стороной этой свободы было то, что, по некоторым воспоминаниям, Арцимович иногда мог быть резким и несправедливым⁵.

Всё сказанное об Арцимовиче делает особенно интересным его отношение к личности Тимофеева-Ресовского. По крайней мере можно ожидать, что оно не было лишь проявлением типичного отношения «нормального» советского чело-

³ Выдвигались М.Т. Иовчук, Г.М. Сорокин, В.М. Чхиквадзе (в действительные члены АН СССР) и С.П. Трапезников (в члены-корреспонденты АН СССР).

⁴ АРАН. Ф. 2. Оп. 4а. Д. 119 (Стенограммы заседаний Общего собрания Академии наук СССР (рабочие). 1–2 июля 1966 г.). Л. 72. Впрочем, и М.А. Леонтовичу принадлежит не менее яркая фраза, сказанная им Президенту АН СССР М.В. Келдышу на том же заседании: «У меня вопрос — считаете ли Вы, что каждый случай, когда кто-либо не избран на Общем собрании, является инцидентом, по поводу которого надо принимать особые меры?» (там же, л. 70).

⁵ Ниже мы приводим два отрывка из таких воспоминаний. Разумеется, их не следует воспринимать как какую-либо компрометацию выдающегося физика. Они рисуют те черты страстного характера этого живого человека, которые принято обходить стороной в житийной литературе, но без понимания которых невозможно понять многие события реальной жизни, а не жития. «Я помню и такой момент. Когда Курчатов на научно-техническом совете Министерства среднего машиностроения встал и сказал, что в Харькове будем строить большую установку, поднялся товарищ Арцимович, который командовал всем термоядом до этого и был в нем монополистом, потому что этим занимался Институт атомной энергии. Арцимович поднимается со своего места в зале и говорит: “Не дай Бог!” — и выходит» (Круглова, 2013). «К нам в лабораторию для знакомства со стеллатром должен был прибыть академик Л.А. Арцимович. Я помню хлопоты и приготовления, как накануне большого праздника, — приезжает академик-секретарь отделения, глава Управляемого Термоядерного Синтеза! Около 10 часов дорогой и почётный гость входит в нашу лабораторию, но... вместо подробно ознакомления с нашей программой он начинает ругать работы Е.К. Завойского по турбулентному нагреву плазмы, потом переходит на его стиль работы. Все обескуражены. М.С. Рабинович пытается вернуть обсуждение к вопросам УТС, но «разгром» Завойского продолжается. Я вопросительно смотрю на М.С. Рабиновича. Позже он попытался мне объяснить, что Л.А. очень ревниво относится к тем, кто со стороны вторгается в его епархию» (Аскаръян, 1993).

века к невозвращенцу, а отражало его собственную позицию. Об этой позиции мы знаем, в первую очередь, из романа Д.А. Гранина «Зубр». В ней описана первая встреча Тимофеева-Ресовского и Арцимовича, состоявшаяся в мае 1945 г. в Берлин-Бухе, куда Арцимович прибыл в составе миссии советских физиков-ядерщиков для поисков материалов, которые помогли бы осуществлению советского атомного проекта:

Прилетел из Москвы Лев Андреевич Арцимович, известный уже в то время физик. Ему представили буховских учёных, в том числе Рилия и самого Зубра. Арцимович со всеми приветливо знакомился. Рилию обрадовался особо, когда же подошел к Зубру, сказал: «Да, да, слышал, но извините...» — и руку подать отказался. Так Зубр и остался с протянутой рукой. Это была одна из самых позорных минут в его жизни. Он был публично оскорблён, обесчещен и не мог ничем защитить себя. Он замер, как бык на корриде, когда шпага матадора входит в загривок между лопатками, сталь достаёт сердце, наступает момент истины, озаряющий зазор между жизнью и смертью... Арцимович позже вспоминал о своём поступке без раскаяния. А ещё позже они исполнились уважения друг к другу (Гранин, 1987: с. 186–187).

По-видимому, именно это описание Д.А. Гранина является основным источником для представлений об отношениях Тимофеева-Ресовского и Арцимовича, вошедших в нашу культуру. Фраза о непринятом рукопожатии регулярно встречается в Интернете. Одновременно там же выражается сомнение в последующем изменении отношения Арцимовича к Тимофееву-Ресовскому как не подтверждённое никакими доказательствами.

Однако следует помнить, что роман Д.А. Гранина хотя и является документальным романом, в котором автор тщательно обобщил все имевшиеся у него сведения из разных источников, однако он тем не менее остаётся художественным произведением, формат которого не требует сопровождать ссылками каждое из сделанных утверждений. Так, остаётся неясным, с чьих слов Д.А. Гранин передал это сообщение о непринятом рукопожатии. Содержание главы 34, в которой Гранин упоминает о нём, передаётся им в основном со слов О.А. Цингера. Однако в воспоминаниях самого Цингера (1993) этого эпизода нет, и в романе Гранина он передан без ссылок на Цингера или кого-либо ещё.

Хотя бы отчасти прояснить этот вопрос может свидетельство В.В. Борисова, которое приводится ниже. Всеволод Васильевич Борисов, выпускник первого набора кафедры биофизики физического факультета МГУ, как и многие другие студенты кафедры биофизики, ездил на школы Тимофеева-Ресовского в Миассово. В то же время он был женат на дочери Л.А. Арцимовича и имел возможность видеться с ним регулярно в неформальной, домашней обстановке. На мой вопрос, имел ли он возможность наблюдать отношения Тимофеева-Ресовского и Арцимовича и знает ли он что-либо об их встрече в Берлине в 1945 г., Всеволод Васильевич ответил мне подробным письмом, текст которого я, с его любезного разрешения, привожу ниже. В письме также приведён эпизод, не имеющий прямого отношения к отношениям Тимофеева-Ресовского и Арцимовича, но показывающий то значение, которое имел Тимофеев-Ресовский для формирования мировоззрения своих коллег. Упоминаемые в письме Валерий Иванович Иванов⁶, ставший впоследствии из-

⁶ О В.И. Иванове см., например: Frank-Kamenetskii et al., 2013.

вестным генетиком, и Андрей Георгиевич Маленков — также выпускники первого набора кафедры биофизики. Валерий Николаевич Соيفер, нашедший Тимофеева-Ресовского на Урале благодаря С.С. Четверикову, также был студентом кафедры биофизики физфака МГУ в этот период⁷. Симон Эльевич Шноль⁸ — один из создателей кафедры биофизики.

Понедельник, 30 августа 2021, 12:54 +03:00 от Борисов Всеволод

Василий, добрый день.

О самом существовании Николая Владимировича и о том, что он находится на Урале, мы, биофизики первой группы, впервые узнали весной 1958 года от Валерия Соифера. Впрочем, мой студенческий друг Валерий Иванов, которому Николай Владимирович позже дал кличку «хромосома», встречал фамилию Тимофеев-Ресовский, когда читал брошюры общества «Знание». Там ругали бывших российских биологов, что-то «вещавших из американской подворотни». Но Соиферу удалось узнать место пребывания Н.В. — в Миассово, недалеко от ж-д станции Миасс.

В это же лето 1958 года два студента нашей первой группы биофизиков, Валерий Иванов и Андрей Маленков, а также и Соифер, направились в Миассово. Валерий и Андрей вернулись в полном восторге от полученных впечатлений, о чем я не раз слышал и от того, и от другого. Потом я много раз видел весьма нежное отношение Н.В. и к Валерию, и к Андрею. Они потом ездили к нему на Урал каждое лето — уже без Валерия Соифера, который больше на Урал не ездил.

Я съездил на Урал всего один раз, в 1961 году. Я не помню, был ли Андрей там в это время, но Егор Маленков точно был. Тогда же группу студентов-биофизиков третьего поколения туда привез С.Э.Шноль.

Я в тот период жил под одной крышей с Львом Андреевичем Арцимовичем, и, конечно, о своих планах поехать в Миассово ему сказал. И тогда Лев Андреевич вспомнил о своей встрече с Н.В. в Германии в мае 1945 года. И не скрыл, что эта встреча была ему неприятна. «Снаряды кругом рвутся, люди гибнут, а он выходит и улыбается». Тем не менее, он просил меня передать Тимофееву-Ресовскому от него привет.

У меня не было на Урале личных встреч с Н.В., но когда мы уже уезжали, я все же передал ему привет от Льва Андреевича. Н.В. спросил: «А каким образом Вы с ним знакомы?». Мне не хотелось хвастаться тем, что я тогда был его зятем, и я сказал: «Так сложились обстоятельства». Все мои друзья расхохотались — они-то знали о моих «обстоятельствах». На что Н.В., слегка улыбаясь, сказал: «Ну, если Вы снова по каким-то обстоятельствам его увидите, передайте ему и от меня привет». Конечно, я и этот привет передал.

Валерий Иванов много раз приезжал в дом Льва Андреевича — фактически ко мне, но были у него и свои разговоры с Львом Андреевичем. Но я-то о том, что Лев Андреевич сказал мне о встрече с Н.В. в Германии, конечно, Валерию рассказал.

Когда Д.А. Гранин собирал материал для своей книги, он имел долгие беседы с Валерием, и именно Валерий ему рассказал о встрече Н.В. с Львом Андреевичем. Придумал ли сам Валерий «протянутую непожатую руку» Н.В., или Гранин ее использовал как чисто литературный прием, я не знаю. Но я на все 100% уверен, что этой протянутой непожатой руки не было. У Н.В. была очень богатая и разнообразная биография, но правила этикета он знал. Он, конечно,

⁷ Рассказ самого В.Н. Соифера об этих событиях опубликован в: Соифер, 2019.

⁸ О нём кратко, например, в: Памяти Симона Шноля, 2021.

заметил бы, что Лев Андреевич ему в ответ не улыбается, и первым протягивать ему руку бы не стал.

В каком-то разговоре Лев Андреевич говорил: «Это я вашему Тимофееву-Ресовскому привез из-за границы дрозофил». Видимо, он имел в виду свою более позднюю командировку на Запад в 50-е годы (скорее всего, в Швецию). А все дрозофилы, бывшие в наших лабораториях, к тому времени Лысенко уничтожил.

Я какое-то время считал, что какая-то тень от жизни НВ на территории Третьего Рейха все же на него упала. Я очень много думал на эту тему. И в конце концов понял, что ни малейшей вины, ни малейшей тени за его жизнь в Германии на НВ не было. Я же не несу вины за то, что жил в СССР в сталинское время. Макс Планк тоже жил в это время на территории Третьего Рейха. Никто его за это не винит.

Лев Андреевич терпеть не мог Сталина, но к личности Ленина относился с уважением. Он очень интересовался русской историей, но о сталинских репрессиях полной информации не имел. В создании советской водородной бомбы он принимал самое косвенное участие, но этого хватило, чтобы его выбрали в академики в 1953 году⁹. Негативное отношение к немцам во время войны было у всех «советских» людей, но на пленных немецких физиков в послевоенное время это отношение не распространилось. Так что маленький инцидент в мае 1945 года только что и остался в памяти, никакого значения не имел.

Когда я был три месяца в Оксфорде в 1976–77 гг., я получил возможность из оксфордской русской библиотеки взять почитать «Архипелаг ГУЛАГ». Мне показалось, что Солженицын преувеличивает уровень репрессий. По возвращении в Москву я уговорил Валерия Иванова вместе съездить к Тимофееву-Ресовскому в Обнинск. Тогда НВ был уже «неработающим» пенсионером. Впрочем, он числился консультантом в каком-то НИИ¹⁰.

Наша беседа втроем продолжалась около трех часов. НВ сразу сказал, что Солженицын полностью прав. И рассказал много эпизодов из своей тюремной жизни. Когда мы уже собирались уйти, он был к нам (ко мне в том числе) очень приветлив.

Я не был непосредственным учеником НВ. Но на мои политические взгляды он очень сильно повлиял, причем в самую лучшую сторону.

Я надеюсь, что Вы примете мои «показания»: правда, только правда и вся правда.

Счастливо = Вс. Вас.

Эти сведения очень точно согласуются с ещё одним источником. Свои воспоминания, касающиеся отношений Тимофеева-Ресовского и Арцимовича, опубликовала Н.Г. Арцимович, вдова Л.А. Арцимовича. Её воспоминания в двух незначительно различающихся редакциях были опубликованы в двух изданиях (Арцимович 1993, 2009). Как она сообщает, историю отношений Т.-Р. и А. она впервые описала Гранину в своём письме от 28.06.1987¹¹, что было слишком поздно, чтобы включить

⁹ Л.А. Арцимович был одним из первых сотрудников курчатовской Лаборатории № 2 АН СССР, т. е. одним из первых включился в советский атомный проект. За разработку электромагнитного метода разделения изотопов и её осуществление в промышленных масштабах в 1953 г. был удостоен Государственной премии. А уже с 1950 г., т. е. фактически сразу после испытаний первой советской атомной бомбы, переключился на исследования по управляемому термоядерному синтезу.

¹⁰ В Институте медико-биологических проблем Минздрава СССР, ныне ИМБП РАН.

¹¹ Первое или по крайней мере одно из первых книжных изданий «Зубра» (Гранин, 1987) было сдано в набор за полтора месяца до этого письма, 14.05.1987. Кроме того, к этому времени повесть вышла в первых двух номерах журнала «Новый мир» за 1987 г.

её описание в текст книги, которая в тот момент уже была в наборе. Однако результатом её общения с Граниным всё же стала та самая коротенькая приписка, которая ныне кочует по просторам Интернета в отрыве от первоисточника и без ссылки на него, вызывая недоверие краткостью и отсутствием кочующих вместе с ней доказательств: «А ещё позже они исполнились уважения друг к другу».

На обстоятельствах встречи Н.Г. Арцимович почти не останавливается, отметив лишь, что первая встреча Арцимовича и Тимофеева-Ресовского «достаточно правдиво описана в романе и прокомментирована¹² автором. Нам же Лев Андреевич всегда произносил имя Николая Владимировича с большим уважением». При этом остаётся не вполне понятным, относится ли данная характеристика («достаточно правдиво») к описанию ситуации в целом (время, место, обстоятельства — прилёт из Москвы, особый интерес Арцимовича к Н. Рилю, общая атмосфера встречи), или же также ко всем деталям (отвергнутое рукопожатие, слова Арцимовича, замирание Тимофеева-Ресовского «как быка на корриде» и т. п.). В то же время «коротенькую приписку» Гранина она раскрывает во всех возможных деталях. Так, она также упоминает историю с дроздофилами:

<...> борясь открыто всеми силами с лысенковщиной, будучи в 50-х годах в Швеции, Лев Андреевич тайно, в спичечной коробке привёз дроздофилл. Прилетел в Москву ночью и стал разыскивать академика Н.П. Дубинина¹³, чтобы передать ему драгоценную посылку, боясь, что мушки погибнут от голода. Значительно позже звонил Николай Владимирович, благодарил Льва Андреевича, называя его пра, пра, пра... дедушкой современных дроздофил. Звонил Николай Владимирович и из Обнинска с различными просьбами и советами к Льву Андреевичу как к академику-секретарю отделений общей физики и астрономии АН СССР.

Н.Г. Арцимович вспоминает также, как Тимофеев-Ресовский передал для Арцимовича, попавшего в больницу с аритмией, имевшийся у него лекарственный препарат ритмоцин, а впоследствии по просьбе Тимофеева-Ресовского ритмоцин присылал Арцимовичу К. Циммер. Сам же Арцимович «с большой теплотой вспоминал <...> о Н.В. Тимофееве-Ресовском, Риле и К. Циммере, замечательных учёных, с которыми сохранил самые тёплые отношения до последних дней».

Думаю, что эти воспоминания близких к Арцимовичу людей достаточно объёмно рисуют отношения двух выдающихся учёных и свободных людей, не всегда свободных от влияния текущего момента, но свободных от требований идеологии.

¹² «В тот год я тоже не подал бы руки русскому, который работал у немцев. В тот год непримиримость жгла нас. Огонь войны очистил наши души, и мы не желали никаких компромиссов. Мы ко всему подходили с фронтовой меркой: где ты был — по ту или по эту сторону черты?.. Боролся с гитлеровцами — свой, не боролся — враг. Мы парили над всеми сложностями жизни, свободные и счастливые победители, для которых все ясно. Мы были полны снисхождения к немцам, но нам трудно было отделить фашистов, нацистов от просто немцев. Что уж тут говорить о своих, русских в Германии — все они были нам подозрительны» (Гранин, 1987, с. 186–187).

¹³ В действительности в тот период Н.П. Дубинин был ещё в звании члена-корреспондента Академии наук СССР.

Литература

Арцимович Н.Г. Несколько строк // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский: Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1993. С. 186–188 [Электронный ресурс]. URL: http://elib.biblioatom.ru/text/timofeev-resovskiy_1993.

Арцимович Н.Г. Несколько строк // Академик Лев Андреевич Арцимович: воспоминания, статьи, документы. М.: Физматлит, 2009. С. 48–51 [Электронный ресурс]. URL: http://elib.biblioatom.ru/text/akademik-artsimovich_2009.

Аскарьян Г.А. Памяти Е.К. Завойского // Чародей эксперимента: Сб. ст. об академике Е.К. Завойском. М.: Наука, 1993. С. 91–96 [Электронный ресурс]. URL: http://elib.biblioatom.ru/text/charodey-eksperimenta_1993/go,94/.

Бабков В.В., Саканян Е.С. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, 1900–1981. М.: Памятники ист. мысли, 2002. 672 с.

Блюменфельд Л.А., Волькенштейн М.В., Воронцов Н.Н., Газенко О.Г., Иванов Вл.И. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский (1900–1981) // Молекулярная биология. 1981. Т. 15. Вып. 5. С. 1194–1199 [Электронный ресурс]. URL: <http://wwwinfo.jinr.ru/drrr/Timofeeff/auto/hronika.html>.

Гранин Д. Зубр: Повесть. Л.: Сов. писатель, 1987. 288 с.

Илизаров С.С. Партаппарат против Тамма // Капица, Тамм, Семенов в очерках и письмах. М.: Вагриус: Природа, 1998. С. 339–350.

Круглова В. В.Т. Толок: благосклонность судьбы (интервью) // Universitates. 2013. № 1 (52). С. 5–13 [Электронный ресурс]. URL: http://nbuviap.gov.ua/images/UNIVERSITATES/2013/2013_1.pdf.

Литовский В.В., Куликов С.Н. О переименовании улицы Тимофеева-Ресовского в Екатеринбурге // Троицкий вариант. 2020 (05.05.2020). № 303. С. 3 [Электронный ресурс]. <https://trv-science.ru/2020/05/o-pereimenovanii-ul-timofeeva-resovskogo-v-ekb/>.

Памяти Симона Шноля // Троицкий вариант. 2021 (21.09.2021). № 338. С. 10–11, 13 [Электронный ресурс]. URL: <https://trv-science.ru/2021/09/pamyati-shnolya/>.

Парин А. Улица академика Парина, генетика и историческая справедливость. Алексей Парин о переименовании улицы Тимофеева-Ресовского в Екатеринбурге // Интернет-проект Colta.Ru. 2020 (13.05.2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.colta.ru/articles/art/24384-aleksey-parin-o-pereimenovanii-ulitsy-timofeeva-resovskogo>.

Парина Е. «В биографиях Тимофеева-Ресовского и Парина множество параллелей...» // Троицкий вариант. 2020 (19.05.2020). № 304. С. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://trv-science.ru/2020/05/timofeev-resovskiy-i-parin/>.

Сойфер В.Н. У Н.В. Тимофеева-Ресовского на практике // Троицкий вариант. 2019 (22.10.2019). № 290. С. 10–11 [Электронный ресурс]. URL: <https://trv-science.ru/2019/10/u-timofeeva-resovskogo-na-praktike/>.

Цингер О.А. Колюша — Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский: Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1993. С. 156–173 [Электронный ресурс]. URL: http://elib.biblioatom.ru/text/timofeev-resovskiy_1993.

Шноль С.Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. М.: Либроком, 2010. 720 с. (Гл. 36).

Frank-Kamenetskii M., Trifonov E., Zhurkin V., Danilov V., Sarma M., Sarma R. Valery (Chrom) Ivanov In memoriam // Journal of Biomolecular Structure and Dynamics. 2013. Vol. 31. № 1. P. 125–127.

Haldane J.B.S. A physicist looks at genetics. Nature. 1945. Vol. 155. № 3935. Pp. 375–376.

The history of one handshake: N.V. Timofeeff-Ressovsky and L.A. Artsimovich

VASILY VI. PTUSHENKO

A.N. Belozersky Institute of Physico-Chemical Biology of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

N.M. Emanuel Institute of Biochemical Physics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ptush@belozersky.msu.ru

The significance of the personality of the outstanding geneticist N.V. Timofeeff-Ressovsky for the Russian culture goes significantly beyond science. Due to his human makeup, scientific “genealogy” and amazing biography, Timofeeff-Ressovsky was a “bridge” between Soviet and foreign scientific traditions, as well as between the different epochs of the Russian/Soviet history. The attitude to the personality of Timofeeff-Ressovsky has become a vivid manifestation of the attitude to the achievements and crimes of the Soviet communist empire, both for the personal worldview and the state policy. This is evidenced by the heated debates engaging general public during the rehabilitation of Timofeeff-Ressovsky three decades ago, as well as during nowadays attempts to perpetuate his memory in the toponymy of modern Russia.

In the view of this acute attitude, Timofeeff-Ressovsky’s relations with the other iconic figures of the Russian culture are of particular importance. Thus, of the special interest is the history of relations between Timofeeff-Ressovsky and L.A. Artsimovich, the leader of the Soviet research program on controlled thermonuclear fusion. They first met in Germany in May 1945. According to the widespread story, Artsimovich refused Timofeeff-Ressovsky’s handshake. This legend often serves as an argument for forming an attitude towards Timofeeff-Ressovsky. Artsimovich is known as one of the most free-thinking scientists of the USSR, hence his attitude could be considered as his personal one rather than a tribute to the official Soviet ideology. However, the degree of accuracy of this tale is not evident. In the paper, we analyze the sources of information about this meeting and the further evolution of the relations between N.V. Timofeeff-Ressovsky and L.A. Artsimovich. Some of the oral evidence we have found suggests that the refused handshake is just a literary device.

Keywords: N.V. Timofeev-Ressovsky, genetics, L.A. Artsimovich.

References

Artsimovich N.G. (1993). Neskolko strok [A few lines]. In: Vorontsov N.V. (ed. and comp.). Nikolaï Vladimirovich Timofeev-Ressovskii: Ocherki. Vospominaniia. Materialy [Nikolai Vladimirovich Timofeeff-Ressovsky: Essays. Memories. Materials], (pp. 186–188), Moscow: Nauka. http://elib.biblioatom.ru/text/timofeev-resovskiy_1993 (in Russian).

Artsimovich N.G. (2009). Neskolko strok [A few lines]. In: Strelkov V.S. (ed.). Akademik Lev Andreevich Artsimovich: vospominaniia, stat'i, dokumenty [Academician Lev Andreevich Artsimovich: memoirs, articles, documents], (pp. 48–51), Moscow: Fizmatlit. http://elib.biblioatom.ru/text/akademik-artsimovich_2009 (in Russian).

Askaryan G.A. (1993). Pamiati E.K. Zavoïskogo [In memory of E.K. Zavoisky]. In: Novikov V.D., Zavoyskaya N.E. (ed. and comp.). Charodeï éksperimenta: Sbornik stateï ob akademike E.K. Zavoïskom [The Wizard of Experiment: A collection of articles about Academician E.K. Zavoisky], (pp. 91–96), Moscow: Nauka. http://elib.biblioatom.ru/text/charodey-eksperimenta_1993/go,94/ (in Russian).

Babkov V.V., Sakanyan E.S. (2002). Nikolai Vladimirovich Timofeev-Resovskii, 1900–1981 [Nikolai Vladimirovich Timofeeff-Ressovsky, 1900–1981], Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli (in Russian).

Blumenfeld L.A., Volkenstein M.V., Vorontsov N.N., Gazenko O.G., Ivanov V.I. (1981). Nikolai Vladimirovich Timofeev-Resovskii (1900–1981) [Nikolai Vladimirovich Timofeeff-Ressovsky (1900–1981)], *Molekuliarnaia biologii* [Molecular Biology], 15 (5), 1194–1199. <http://wwwinfo.jinr.ru/drrr/Timofeeff/auto/hronika.html> (in Russian).

Frank-Kamenetskii M., Trifonov E., Zhurkin V., Danilov V., Sarma M., Sarma R. (2013). Valery (Chrom) Ivanov In memoriam. *Journal of Biomolecular Structure and Dynamics*. 31 (1), 125–127.

Granin D.A. (1987). Zubr: Povest' [Zubr: Novella], Leningrad: Sovetskii pisatel' (in Russian).

Haldane J.B.S. (1945). A physicist looks at genetics. *Nature*. 155 (3935), 375–376.

Ilizarov S.S. (1998). Partapparat protiv Tamma [Party machine against Tamm]. In: Andreev A.F. (ed.), Kapitsa, Tamm, Semenov v ocherkakh i pis'makh [Kapitza, Tamm, Semenov in essays and letters], (pp. 339–350), Moscow: Vagrius: Priroda (in Russian).

Kruglova V. (2013). V.T. Tolok: blagosklonnost' sud'by (interv'iu) [V.T. Tolok: favor of fate (interview)], *Universitates*, No. 1 (52), 5–13. http://nbuviap.gov.ua/images/UNIVERSITATES/2013/2013_1.pdf (in Russian).

Litovsky V.V., Kulikov S.N. (2020). O pereimenovanii ulitsy Timofeeva-Resovskogo v Ekaterinburge [On the renaming of Timofeeff-Ressovsky Street in Yekaterinburg], *Troitskii variant* [Troitsk variant], 05.05.2020, № 303, 3. <https://trv-science.ru/2020/05/o-pereimenovanii-ul-timofeeva-resovskogo-v-ekb/> (in Russian).

Pamiat Simona SHnolia [In memory of Simon Shnoll] (2021), *Troitskii variant* [Troitsk variant], 21.09.2021, № 338, 10–11, 13. <https://trv-science.ru/2021/09/pamyati-shnolya/> (in Russian).

Parin A. (2020). Ulitsa akademika Parina, genetika i istoricheskaija spravedlivost'. Aleksej Parin o pereimenovanii ulitsy Timofeeva-Resovskogo v Ekaterinburge [Akademika Parin Street, genetics and historical justice. Alexey Parin on renaming Timofeeff-Ressovsky Street in Yekaterinburg], Internet project Colta.Ru, 13.05.2020. <https://www.colta.ru/articles/art/24384-aleksey-parin-o-pereimenovanii-ulitsy-timofeeva-resovskogo> (in Russian).

Parina E. (2020). “V biografiakh Timofeeva-Resovskogo i Parina mnozhestvo parallelei...” [“There are many parallels in the biographies of Timofeeff-Ressovsky and Parin...”], *Troitskii variant* [Troitsk variant], 19.05.2020, № 304, 2. <https://trv-science.ru/2020/05/timofeev-resovskiy-i-parin/> (in Russian).

Shnoll S.E. (2010). Geroi, zlodei, konformisty otechestvennoi nauki [Heroes, villains, conformists of Russian science], Moscow: Librokom. Chapter 36.

Soyfer V.N. (2019). U N.V. Timofeeva-Resovskogo na praktike [At the practicum of N.V. Timofeeff-Ressovsky], *Troitskii variant* [Troitsk variant], 22.10.2019. № 290, 10–11. <https://trv-science.ru/2019/10/u-timofeeva-resovskogo-na-praktike/> (in Russian).

Tsinger O.A. (1993). Kolyusha — Nikolay Vladimirovich Timofeeff-Ressovsky. In: Vorontsov N.V. (ed. and comp.). Nikolai Vladimirovich Timofeev-Resovskii: Ocherki. Vospominaniia. Materialy [Nikolai Vladimirovich Timofeeff-Ressovsky: Essays. Memories. Materials], (pp. 156–173), Moscow: Nauka. http://elib.biblioatom.ru/text/timofeev-resovskiy_1993 (in Russian).